

ПРЯДЬ О ГРЕНЛАНДЦАХ

(Перевод с древнеисландского языка, предисловие
и комментарий Е.А. Гуревич)

Впервые публикуется перевод на русский язык древнеисландской «Пряди о гренландцах», созданной, вероятно, в XIII в. и сохранившейся в единственной рукописи «Книга с Плоского Острова» (Flateyjarbók). Перевод снабжен историко-географическим комментарием.

Ключевые слова: древнеисландская литература, «Прядь о гренландцах», «Книга с Плоского Острова».

«Прядь о гренландцах» сохранилась в единственном списке в «Книге с Плоского Острова»¹, где она открывает последнюю часть собрания, составленную священником Магнусом сыном Торхалля в 1389–1394 гг. Пряди предпослано заглавие «Grænlandingaþáttur» — «Прядь о гренландцах», однако в кратком прологе к книге, в котором описывается ее содержание, Магнус называет этот рассказ иначе: «þaattr Einars Sokkasunar af Grænlandi» — «Прядь об Эйнаре сыне Сокки из Гренландии». Сразу же вслед за прядью в рукописи дан перечень епископов Гренландии, включающий в себя девять имен и возглавляемый Арнальдом, а также перечень церквей, расположенных в разных местностях страны. При том, что мы не располагаем какими-либо сведениями о происхождении «Пряди о гренландцах», высказывалось предположение, что она была создана в первой половине XIII в. по устным рассказам некоторых участников описанных в ней событий, а ее автором мог быть Снорри Стурлусон². Этот рассказ отличает внимание к подробностям ландшафта и топонимики Гренландии, сведения о которых скорее всего могли быть почерпнуты из свидетельств побывавших там исландцев³.

Перевод выполнен по изданию: Íslendinga sögur og þættir. B. I–III / Ritst. Bragi Halldórsson et al. Reykjavík, 1987. B. II. Bls. 1110–1119.

¹ Flateyjarbók. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. af Guðbrandur Vigfússon, C. R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. III. S. 443–454.

² См.: Eyrbyggja saga / Útg. Einar Ólafur Sveinsson, Matthías Þórðarson // ÍF. 1935. B. IV. Bls. XCIII f.

³ См.: *Gísli Sigurðsson*. Greenland in the Sagas of Icelanders: What Did the Writers Know — And How Did They Know It? // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон / Под ред. Н. Ю. Гвоздецкой и др. М., 2011. С. 93–94.

Перевод

1.

Жил человек по имени Сокки сын Торира. Он жил на Крутом Склоне¹ в Гренландии. Человек он был уважаемый и у него было много друзей. Его сына звали Эйнар, это был человек многообещающий. Отец и сын имели большую власть в Гренландии и считались тамошними предводителями.

Как-то раз Сокки велел созвать тинг и объявил на нем, что не желает, чтобы страна дольше оставалась без епископа, и что он хочет, чтобы все ее жители приложили усилия к тому, чтобы учредить епископство. Все бонды с этим согласились.

Сокки попросил Эйнара, своего сына, отправиться ради этого в Норвегию, сказав, что никто лучше него не подходит для того, чтобы стать посланцем в этом деле. Тот отвечал, что пусть будет, как он хочет. Эйнар взял с собой в эту поездку много моржовой кости и шкур, с тем чтобы заручиться поддержкой хёвдингов.

Они прибыли в Норвегию.

В то время в Норвегии правил конунг Сигурд Крестоносец². Эйнар пришел повидаться с конунгом, получив к нему доступ с помощью подарков, и изложил свое дело и поручение. Он попросил конунга помочь ему получить то, чего он добивался для своей страны. Конунг сказал, что наверняка это пошло бы им во благо.

Затем конунг призвал к себе человека по имени Арнальд. Он был добрым клириком и годился в наставники. Конунг попросил его принять на себя это служение ради Господа и повинуюсь его мольбам, — «и я пошлю тебя с моими письмами и печатями в Данию, в Лунд, на встречу с Эцуром архиепископом»³.

Арнальд отвечал, что не хотел бы возлагать это на себя. Во-первых, потому, что он и сам-то мало для этого подходит, во-вторых же, оттого, что не хочет расставаться со своими друзьями и родичами, а в-третьих, из-за того, что ему пришлось бы тогда иметь дело с непокорным народом. Конунг сказал, что чем больше страданий он примет от людей, тем больше пользы будет ему самому.

Тот отвечал, что не станет настаивать на своем и отказывать конунгу в его просьбе:

— Однако раз уж мне суждено будет принять епископский сан, я хочу, чтобы Эйнар поклялся мне в том, что будет должным образом содержать и поддерживать епископство, а также те владения, которые были отданы Богу, и карать тех, кто посмеет на них посягнуть, и станет защитником всего, что принадлежит епископству.

Конунг сказал, чтобы тот так и сделал. Эйнар ответил, что согласен.

Потом будущий епископ отправился на встречу с архиепископом Эцуром, изложил ему свое поручение и передал послания от конунга. Архиепископ принял его радушно и они, как видно, хорошо узнали друг друга. И когда архиепископ убедился, что этот человек годится для того, чтобы принять высокий сан, он произвел Арнальда в епископы и отпустил его в добрый путь. Арнальд епископ явился к конунгу, и тот принял его как нельзя лучше.

Эйнар захватил с собой из Гренландии медведя и преподнес его Сигурду конунгу. В ответ он удостоился почета и уважения конунга.

После этого епископ с Эйнаром отправились в плавание на одном корабле. Другой корабль снарядили норвежец по имени Арнбьёрн, а с ним и другие люди с севера, которые также намеревались поехать в Гренландию.

Затем они вышли в открытое море, и им не слишком благоприятствовал попутный ветер. И вот епископ с Эйнаром прибыли в устье Лесного Озера под Островными Горами в Исландии. В то время в Одди жил Сэмунд Мудрый⁴. Он поехал на встречу с епископом и пригласил его к себе на зиму. Епископ поблагодарил его и ответил, что принимает приглашение. Эйнар остался зимовать под Островными Горами.

Рассказывают, что когда епископ, покинув корабль, ехал со своими людьми, они остановились отдохнуть на одном хуторе на Островах⁵ и сидели во дворе. Тут вышла старуха, в руках у нее был гребень для чесания шерсти.

Она подошла к одному человеку и сказала:

— А ну-ка, малый, сумеешь вставить мне зубец в гребень?

Тот взял у нее гребень, сказав, что сделает, достал из котомки молоток и починил гребень, так что старуха была очень довольна. Это был не кто иной, как епископ. Он был человек умелый. А рассказывается об этом случае потому, что он тогда проявил смирение.

Он провел зиму в Одди, и они с Сэмундом хорошо поладили. Об Арнбьёрне же и его спутниках не было никаких известий. Епископ и его люди решили, что тот, верно, уже успел добраться до Гренландии.

На следующее лето епископ с Эйнаром уехали из Исландии и прибыли в Гренландию, в Эйриков Фьорд. Люди встречали их радушно. Они и здесь не смогли ничего разузнать об Арнбьёрне, и им это показалось странным. Так прошло несколько лет. Тогда стали поговаривать, что те скорее всего погибли.

Епископ учредил свою резиденцию в Дворах⁶ и поселился там. Эйнар и его отец были ему главной опорой. Епископ и сам отличал их больше всех прочих жителей страны.

2.

Жил человек по имени Сигурд сын Няля, он был гренландец. Осенью он часто охотился и ловил рыбу в пустынных местах. Сигурд был опытным мореходом. Вместе их отправилось в путь пятнадцать человек.

Летом они подошли к леднику Белая Рубашка и обнаружили там оставленные кем-то очаги. Им удалось добыть всего лишь небольшой улов.

Сигурд сказал:

— Что вы предпочитаете: возвращаться назад или двигаться дальше? Лето на исходе, и улов совсем невелик.

Его спутники отвечали, что предпочитают повернуть назад. Они говорили, что опасно плавать в больших фьордах под ледником.

Сигурд сказал, что это правда, — «однако у меня такое предчувствие, что если мы доберемся туда, нас ждет куда больший улов».

Тогда они стали просить, чтобы он сам принял решение, и сказали, что давно уже привыкли полагаться на его прозорливость: им это всегда шло только на пользу. В ответ он сказал, что предпочел бы двигаться дальше, и так и было сделано.

На их корабле был один человек по имени Стейнтор. Он взял слово и сказал:

— Мне кое-что приснилось прошлой ночью, Сигурд, — говорит он, — и я хочу рассказать тебе свой сон. Когда мы зашли в тот большой фьорд, мне привиделось, будто я оказался зажат между скалами, и я закричал, моля о помощи.

Сигурд сказал, что его сон не больно хорош, — «так что ты бы лучше поостерегся лазать там по скалам. А то, не ровен час, застрянешь в какой-нибудь щели и не сможешь удержаться от того, чтобы подать голос».

Стейнтор был человек беспечный и необузданного нрава.

А когда они заходили во фьорд, Сигурд сказал:

— Мне это только показалось или это и в правду так? Как будто бы во фьорде стоит корабль.

Они подтвердили, что так и есть. Сигурд сказал, что вот уж новость так новость.

Затем они углубились во фьорд и увидели, что корабль стоит в устье реки и что он прикрыт сверху. Это было большое морское судно. Затем они сошли на берег и заметили неподалеку хижину и палатку.

Сигурд сказал, что первым делом им следует разбить палатку:

— Уже поздно, и я хочу, чтобы никто не шумел и все были осмотрительны.

Они так и поступили.

Утром они вышли и огляделись по сторонам. Прямо перед собой они увидели колоду, из которой торчал топор, а рядом лежал мертвец. Сигурд сказал, что человек этот колочил дрова и ослабел от истощения. Затем они подошли к хижине и обнаружили там другой труп. Сигурд сказал, что этот человек оставался на ногах, пока у него хватало сил, — «и, верно, эти двое были в услужении у тех, кто в хижине».

Рядом с этим человеком также лежал топор.

Тогда Сигурд сказал:

— Я считаю, что нужно взломать хижину и дать выйти наружу дурному духу и зловонию, что исходит от трупов, которые находятся внутри, и, судя по всему, лежат там уже давно. Вам всем следует остерегаться его, потому что он может причинять вред и быть небезопасным для жизни, хотя скорее всего эти люди не сделают нам ничего плохого.

Стейнтор сказал, что не к чему принимать бóльшие предосторожности, чем требуется, и вошел в дверь хижины, пока они ее взламывали. А когда он вышел, Сигурд взглянул на него и сказал:

— Человек этот сильно потрясен.

Тут Стейнтор закричал и бросился бежать, а его товарищи — за ним. Он упал в какую-то расселину в скале, откуда никто не смог его вызволить, и нашел там свою смерть. Сигурд сказал, что сон его оказался вещим.

После этого они взломали хижину и сделали все так, как говорил Сигурд, и это не причинило им никакого вреда. Они обнаружили в хижине трупы людей и множество добра.

Тогда Сигурд сказал:

— Сдается мне, что самым правильным будет, если вы разварите их тела в котлах, которые им принадлежали, так, чтобы плоть сошла с костей. Тогда их сподручнее будет перенести в церковь. Похоже, что тут побывал Арнбьёрн: я слышал, что у него был такой же красивый корабль, как тот, который стоит тут на берегу.

Это был корабль с крашеным штевнем — большое сокровище.

Днище торгового корабля было сильно повреждено, и Сигурд сказал, что, по его мнению, от него не может быть никакого проку. Тогда они вынули из корабля гвозди и сожгли его. Они увезли оттуда лодку, нагруженную всяким добром, буксир и корабль с крашеным штевнем.

Они возвратились в обитаемые места и встретились с епископом в Дворах. Сигурд рассказал ему об этих новостях, а также о том, что они нашли много добра.

— По моему разумению, — сказал он, — всего лучше будет пустить принадлежавшее им добро на захоронение их костей. И если мое мнение чего-то стоит, то я желал бы, чтобы так и поступили.

Епископ сказал, что предложение это хорошее и мудрое, и все с ним согласились.

Вместе с их телами там было найдено множество ценных вещей. Епископ сказал, что корабль с крашеным штевнем это большое сокровище. А Сигурд сказал, что всего правильнее будет, если он отойдет епископству ради их спасения. Прочее добро, в соответствии с законами Гренландии, поделили между собой те, кто его нашел.

Когда эти вести достигли Норвегии, об этом прослышал человек, по имени Эцур, он был сыном сестры Арнбьёрна <...> и на том корабле были и другие люди, которые потеряли своих родичей и ожидали получить денежную плату⁷.

Они приплыли в Эйриков Фьорд. Там к ним пришли местные жители, и они принялись с ними торговать. После этого они устроились на постой. Эцур кормчий отправился в Дворы к епископу и остался там на зиму.

В то время в Западном Поселении⁸ стоял другой торговый корабль. Его привел Кольбейн сын Торльота, он был норвежец. Третьим кораблем управлял человек по имени Хермунд сын Кодрана⁹, а также его брат Торгильс. У них на корабле было много народа.

3.

Зимой Эцур завел с епископом разговор о том, что рассчитывает получить кое-какое наследство после смерти Арнбьёрна, своего родича. Он попросил епископа отдать ему и тем, кто с ним прибыл, что им причитается. Епископ отвечал, что этим имуществом распорядились так, как и было положено поступать в подобных случаях по законам Гренландии, и что это не было его единоличным решением. Он сказал, что считает подобающим, чтобы эти деньги

пошли на спасение душ тех, кто их скопил, и были отданы церкви, где похоронены их кости. А еще он сказал, что недостойное это дело — претендовать теперь на это добро.

После этого Эцур не пожелал дольше оставаться с епископом в Дворах и уехал к своим товарищам, и они провели зиму все вместе.

Весной Эцур приготовился предъявить иск на гренландском тинге. Этот тинг собирался в Дворах. На него явились епископ с Эйнар-ром сыном Сокки, а с ними много народу. Пришел туда и Эцур со своей командой.

Когда собрался суд, вперед выступил Эйнар, с ним было множество людей. Он сказал, что, сдается ему, норвежцам было бы нелегко иметь дело с иноземцами, когда б такое случилось у них, в Норвегии.

— Мы желаем, чтобы действовали те законы, которые были установлены в этой стране, — сказал Эйнар.

А когда суд закончился, норвежцам не удалось выиграть тяжбу и они так и ушли оттуда ни с чем. Эцур был очень недоволен и считал, что вместо денег добился в этом деле одного лишь бесчестья. Он не придумал ничего лучшего, как отправиться туда, где стоял крашенный корабль, и вырубить из его кормы две доски по обе стороны киля. После этого он уехал в Западное Поселение и встретился там с Кольбейном и Кетилем сыном Кальва и рассказал им, как обстоят дела. Кольбейн сказал, что решение было принято несправедливое, но все же не одобрил того, что он совершил.

Кетиль сказал:

— Я бы хотел, чтобы ты послушался меня и перебрался сюда, к нам. Мне стало известно о стоворе между епископом и Эйнар-ром. Тебе нелегко будет противостоять замыслам епископа и удали Эйна-ра, а потому лучше нам держаться вместе.

Тот сказал, что скорее всего так и сделает.

Был там среди купцов и Ледяной Стейнгрим.

Затем Эцур поехал назад к Козлиной Горе¹⁰, где он стоял прежде.

4.

Епископ сильно разгневался, когда узнал о том, какой ущерб был причинен кораблю. Он призвал к себе Эйнара сына Сокки и сказал:

— Настало время сдержать ту клятву, которую ты принес, когда мы уезжали из Норвегии, — карать любого, кто посмеет посягнуть на епископство и его владения. Я требую, чтобы Эцур заплатился жизнью за то, что испортил нашу собственность и выказал нам свое пол-

ное презрение. Не стану скрывать: мне это вовсе не по нраву, и если ничего не будет предпринято, я объявлю тебя клятвопреступником.

Эйнар отвечает:

— Это был дурной поступок, господин. И все же, хотя он и причинил ущерб, кое-кто, возможно, скажет, что Эцур заслуживает снисхождения, принимая во внимание, что он весьма многого лишился. Ведь он и его люди видели ценные вещи, которые принадлежали их родичам, но не смогли их получить. И я, право же, не знаю, могу ли я обещать вам что-нибудь в этом деле.

Они расстались холодно, и у епископа был оскорбленный вид.

А когда люди съехались в Длинный Мыс¹¹ на церковный праздник и пир, на этом празднике присутствовали епископ с Эйнар. На службу явилось множество народу. Мессу служил сам епископ. Эцур также пришел туда. Он стоял с южной стороны, у церковной стены, и с ним завел разговор человек, которого звали Бранд сын Торда, он был домочадцем епископа.

Этот человек просил Эцура уступить епископу, — «и я ожидаю, — сказал он, — что тогда дела пойдут на лад, не то, что теперь».

Эцур отвечал, что не может оставить все как есть, когда с ним так дурно обошлись. И они продолжают об этом толковать.

Затем из церкви вышел епископ со своими людьми и направился к дому. Эйнар тоже пошел с ними. А когда они подошли к дверям, Эйнар отделился от свиты и повернул назад на церковный двор. Он взял секиру у одного человека, пришедшего на богослужение, и зашел за церковь с южной стороны. Там стоял Эцур, опираясь на свою секиру. Эйнар тотчас же нанес ему смертельный удар, а после пошел назад в дом. Там уже были накрыты столы. Эйнар уселся за стол напротив епископа, не произнося ни слова.

После этого в дом вошел Бранд сын Торда, подошел к епископу и сказал:

— Знаете ли вы новости, господин?

Епископ ответил, что ни о чем не слыхал, — «разве что ты хочешь нам что-то сказать».

Он отвечает:

— Один человек только что упал мертвым здесь, на дворе.

Епископ сказал:

— Что за человек, и чьих это рук дело?

Бранд сказал, что тут рядом тот, кто может об этом рассказать.

Епископ сказал:

— Так это ты, Эйнар, лишил жизни Эцура?

Тот отвечает:

— Ясное дело, это сделал я.

Епископ сказал:

— Такой поступок не может считаться хорошим, однако ему есть оправдание.

Бранд попросил, чтобы тело омыли и над ним отслужили службу. Епископ отвечал, что всему свое время. Все, кто там были, продолжали сидеть за столом, и трапеза тянулась довольно долго. Епископ не посылал людей прочесть молитвы над телом до тех пор, пока Эйнар сам не попросил его об этом и не сказал, что это подобает совершить со всем уважением.

Епископ ответил, что, на его взгляд, было бы правильнее не погребать Эцура у церкви, — «однако, раз уж ты просишь об этом, он будет похоронен здесь у этой церкви, где нет своего капеллана».

И он не стал посылать священников читать молитвы над телом до того, как его покрыли саваном.

Тогда Эйнар сказал:

— Отныне дело обстоит сквернее некуда, и в немалой степени из-за вашего в нем участия. В него оказались вовлечены очень заносчивые люди, и сдаётся мне, теперь между нами вспыхнет великая вражда.

Епископ отвечал, что он рассчитывает, что люди умерят свой пыл и достигнут достойного примирения в этом деле, если не станут прибегать к насилию.

5.

Весть эта разнеслась повсюду, и о ней узнали торговые люди.

Тогда Кетиль сын Кальва сказал:

— Я был недалек от истины, когда предположил, что это может стоить ему головы.

Одного человека звали Симун, он был родичем Эцура, это был человек рослый и сильный. Кетиль сказал, что, если Симун намерен вести себя так, как ему велит его естество, он, может статься, не забудет об убийстве своего родича Эцура.

Симун отвечал, что не нуждается в громких словах.

Кетиль велел снарядить корабль и послал людей к Кольбейну кормчему, чтобы те рассказали ему о том, что произошло, — «и передайте ему, что я намерен возбудить дело против Эйнара, поскольку мне известны законы Гренландии и я знаю, как следует поступать. Кроме того, у нас тут хватает народу, чтобы выдержать нападение».

Симун сказал, что хотел бы способствовать осуществлению планов Кетиля. Затем он отправился на встречу с Кольбейном, рассказал ему об убийстве и передал поручение от Кетиля. Он сказал, что люди из Западного Поселения должны прийти к ним на помощь и явиться на гренландский тинг. Кольбейн отвечал, что непременно придет, если ему ничто не помешает, а еще сказал, что не желает, чтобы гренландцам сошло с рук убийство их людей.

Кетиль сразу же принял дело Симуна¹² и отправился в путь с небольшим отрядом, а купцам велел как можно скорее следовать за ними, — «и захватите с собой товары».

Кольбейн уехал, как только получил это известие, и наказал своим товарищам также отправляться на тинг. Он сказал, что у них предостаточно народу, так что еще неизвестно, удастся ли гренландцам обойти их в этом деле. И вот Кольбейн с Кетилем встречаются и договариваются, как им быть. Оба они были достойнейшие люди. Затем они отправляются в путь, и хотя им не было попутного ветра, добираются до места. С ними было много народу, но все же меньше, чем они рассчитывали.

И вот люди съехались на тинг. Явился туда и Сокки сын Торира. Он был человек мудрый и к тому времени уже состарился. К нему часто обращались за помощью, когда требовалось разрешать тяжбы. Он пошел повидаться с Кольбейном и Кетилем и объявил им, что хотел бы уладить это дело полюбовно.

— Я хочу предложить рассудить вас, — говорит он. — И хотя меня и связывают большие обязательства с Эйнармом, моим сыном, я вынесу такое решение, которое я сам и другие мудрые люди сочтут наиболее справедливым.

Кетиль отвечал, что они намерены довести эту тяжбу до конца, но не исключил того, что они согласятся покончить дело миром, — «мы сильно раздражены, и у нас нет привычки идти на попятный».

Сокки сказал на это, что, на его взгляд, у них неравные силы, и они навряд ли смогут выстоять в бою, и что еще неизвестно, добьются ли они для себя более достойного решения, если его вынесет не он.

Торговые люди явились на суд, и Кетиль выдвинул обвинение против Эйнара.

Эйнар сказал:

— Если они добьются того, что решение будет вынесено не в нашу пользу, известие об этом разнесется повсюду, — и он пошел на суд и помешал судьям продолжить разбирательство дела.

Тогда Сокки сказал:

— Мое предложение остается в силе: я готов вынести решение и покончить дело миром.

Кетиль отвечал, что, по его мнению, это теперь невозможно, — «даже если ты предложишь возмещение, оно не сможет искупить незаконного поведения Эйнара в этом деле», — и на этом они расстаются.

Что же до торговых людей из Западного Поселения, то они оттого не прибыли на тинг, что, когда они снарядили два корабля, задул противный ветер.

В середине лета на Перешейке должно было состояться примирение. Туда явились торговые люди с запада и бросили якорь у одного мыса. Они собрались там все вместе и держали совет.

Кольбейн сказал, что если бы они и прежде были вместе, дело не дошло бы до примирения, — «и сдается мне, теперь нам всем следует отправиться на эту встречу с теми силами, какие у нас есть».

Они так и поступили, и укрылись в одной укромной бухте неподалеку от епископства.

Случилось так, что в епископстве принялись звонить к мессе как раз в то время, когда туда прибыл Эйнар сын Сокки. Когда торговые люди услышали это, они принялись возмущаться: не слишком ли много чести Эйнару, чтобы встречать его колокольным звоном, и что это, мол, стыд и срам. Они были очень этим раздосадованы.

Кольбейн сказал:

— Не стоит выходить из себя из-за этого, ведь может случиться так, что еще до наступления вечера этот колокольный звон станет погребальным.

Тут подходит Эйнар со своими людьми, и они усаживаются на склоне, а Сокки начинает предъявлять для оценки дорогие вещи, которые были предназначены для уплаты возмещения.

Кетиль сказал:

— Я желаю, чтобы оценщиками выступили мы с Хермундом сыном Кодрана.

Сокки согласился с этим.

Пока оценивали вещи, Симун, родич Эцура, то подходил, то отходил в сторону с оскорбленным видом. Затем выложили старинный панцирь, изготовленный из металлических пластин.

Тут Симун сказал:

— Позор предлагать подобное за такого человека, как Эцур! — и с этими словами отшвырнул панцирь прочь, на поле, а сам направился к тем, кто сидел на склоне.

Как только гренландцы увидели это, они вскочили на ноги и устремились вниз со склона навстречу Симуну. Сразу же вслед за тем Кольбейн отделился от своих спутников и пошел наверх. Он поравнялся с гренландцами, когда те спускались вниз, а потом обогнул их и зашел сзади. И как раз, когда он оказался позади Эйнара и нанес ему удар секирой между плеч, секира Эйнара опустилась на голову Симуна, так что каждый из них получил смертельную рану.

Падая, Эйнар сказал:

— Этого можно было ожидать.

Тут к Кольбейну подбежал Торд, названный брат Эйнара, собираясь нанести ему удар, но Кольбейн тотчас же развернулся и всадил острие секиры Торду в горло, так что тот умер на месте. Затем между ними завязался бой. Епископ сидел рядом с Эйнаром, и тот скончался у него на коленях. Одного человека звали Стейнгрим. Он призвал их прекратить сражаться и бросился между ними, а с ним еще несколько человек. Однако и те, и другие пришли в такое неистовство, что Стейнгрим в этой стычке был пронзен мечом. Эйнар умер наверху на пригорке у землянки гренландцев.

Люди были сильно изранены. Кольбейн и его спутники возвратились к себе на корабль с тремя убитыми из числа своих людей и направились через Эйнаров Фьорд к Стоянке Скьяльга¹³. Там стояли торговые корабли, и люди были заняты их погрузкой.

Кольбейн сказал, что они устроили кое-какую заваруху, — «и я надеюсь, у гренландцев теперь меньше оснований радоваться».

Кетиль сказал:

— Ты был прав, Кольбейн, — сказал он, — когда говорил, что, быть может, мы еще услышим погребальный звон до того, как удем отсюда. Сдается мне, что Эйнара уже перенесли в церковь.

Кольбейн отвечал, что приложил к этому руку.

Кетиль сказал:

— Надо ожидать, что гренландцы попытаются напасть на нас. Я считаю, что людям следует перенести на корабли столько грузов, сколько они успеют, и все должны провести ночь на кораблях.

Они так и сделали.

Сокки очень горевал из-за того, что произошло. Он обратился к людям за помощью и просил поддержать его в этой распре.

6.

Одного человека звали Халль. Он жил у Солнечных Гор. Человек он был умный и рачительный хозяин. Он был сторонником Сокки и прибыл со своими людьми позже всех.

Он сказал Сокки:

— Не думаю, что твой замысел — напасть на них, подойдя к их торговым кораблям на небольших ладьях, — принесет нам удачу, учитывая предосторожности, которые они наверняка уже успели принять. Кроме того, я не знаю, можно ли положиться на твое войско. Все, кто похрабрее, покажут себя с наилучшей стороны, но остальные, скорее всего, будут стараться держаться подале, и из-за этого те, кто сражаются в первых рядах, скоро выбьются из сил, и тогда мы окажемся в еще более трудном положении, чем теперь. А потому, сдается мне, коли люди и впрямь собираются идти в бой, будет лучше, если перед тем, как напасть на них, каждый принесет клятву, что готов либо пасть, либо одержать победу.

От этих слов Халля у них сильно поубавилось решимости.

Сокки сказал:

— И все же мы не можем расстаться с ними, так и не разрешив этого дела.

Халль отвечал, что готов попытаться примирить их, и крикнул торговым людям:

— Вы дадите мне возможность беспрепятственно пройти к вам? — сказал он.

Кольбейн и Кетиль отвечают, что он может прийти. Затем он встречается с ними и говорит, что после того, как произошли такие значительные события, необходимо наконец уладить эту тяжбу. Те сказали в ответ, что готовы поступить так, как пожелают остальные, и прибавили, что вина за эту несправедливость лежит на жителях страны, — «однако теперь, поскольку мы видим с твоей стороны такое миролюбие, мы, пожалуй, согласимся на то, чтобы ты рассудил нас».

Он отвечал, что будет судить так и вынесет такое решение, какое он сам сочтет наиболее справедливым, понравится оно обеим сторонам или нет. Затем об этом было объявлено Сокки. Тот также сказал, что согласится с решением, которое вынесет Халль. Было условлено, что торговые люди должны будут все ночи напролет снаряжать свои корабли. Говорили, что Сокки только того и нужно, чтобы они поскорее убралась.

— Однако если они затянут со своими приготовлениями и станут испытывать мое терпение, то им нечего рассчитывать на возмещение, если их поймают, — сказал он.

На этом они расстались, и была назначена встреча, на которой должно было состояться примирение.

Кетиль сказал:

— Наши приготовления продвигаются медленно, а припасы почти совсем истощились, так что мой совет — попытаться раздобыть пропитания. Я знаю, где живет человек, у которого вдоволь еды, и я предлагаю отправиться к нему.

Они согласились с этим.

И вот как-то раз ночью они покидают корабли и сходят на берег. Их было три десятка человек, все при оружии. Они подходят ко двору, но он, как оказывается, опустел. Человека, который там жил, звали Торарин.

Кетиль сказал:

— Что ж, мой план не удался, — после чего они уходят со двора и направляются вниз к кораблям. Их путь лежал через заросли кустарника.

Тут Кетиль сказал:

— Меня клонит в сон, — говорит он. — Я должен поспать.

Они сказали, что это не самая разумная мысль, но он тем не менее улегся и заснул, а они уселись рядом.

Немного погодя он просыпается и говорит:

— Мне много всего приснилось. Что если нам выдернуть куст, который был у меня под головой?

Они выдернули куст и нашли под ним ход в большое подземелье.

Кетиль сказал:

— Первым делом надо выяснить, что за припасы там припрятаны.

Они обнаружили там шестьдесят туш, дюжину мер¹⁴ масла и много вяленой рыбы.

— Хорошо, — сказал Кетиль, — что я не обманул ваших ожиданий.

Они возвращаются к кораблям с этой добычей.

Подходит день, на который была назначена мирная встреча, и на нее являются обе стороны — торговые люди и жители страны.

Халль сказал:

— Вот как я вас рассудил: я желаю, чтобы убийства Эцура и Эйнара были приравнены одно к другому, но из-за разницы между

ними¹⁵ норвежцы должны быть объявлены вне закона, так что им нельзя будет предоставлять ни провизии, ни крова в этой стране. Также должны быть приравнены одно к другому убийства Стейн-грима бонда и Симуна, норвежца Крака и гренландца Торфинна, норвежца Вигхвата и гренландца Бьёрна, Торира и Торда. Теперь остался невозмещенным один человек из наших, которого зовут Торарин, и это человек неимущий. За него должно быть уплачено возмещение.

Сокки сказал, что ему и другим гренландцам трудно согласиться с таким решением. Халль отвечал, что считает, что вынесенное им решение тем не менее должно оставаться в силе. На том они и разошлись.

Затем пришел лед и покрыл все фьорды, и гренландцы подумали, что теперь им представится возможность схватить их, если только те не успели еще уехать, как им было назначено. Однако к исходу месяца весь лед унесло прочь, и торговые люди смогли покинуть Гренландию. Больше они не встречались.

Они прибыли в Норвегию. Кольбейн привез из Гренландии белого медведя¹⁶. Он отправился с этим зверем к конунгу Харальду Гилли¹⁷ и преподнес ему его, а еще он рассказал конунгу, как плохо с ними обошлись гренландцы, и поносил их на чем свет стоит. Однако позднее конунг узнал об этом другое. Тогда он решил, что Кольбейн сказал неправду, и не дал ему награду за зверя.

Затем Кольбейн убежал и примкнул к Сигурду Слембидьякону. Он напал на конунга Харальда Гилли в его покоях и нанес ему удар¹⁸. Как-то раз позднее, когда они были у берегов Дании, их корабль несся на всех парусах, а Кольбейн сидел в лодке, шедшей на буксире. Тут поднялся такой сильный ветер, что буксир сорвало и Кольбейн утонул¹⁹.

Хермунд же и его спутники воротились в Исландию в свои родовые владения.

И здесь заканчивается этот рассказ.

КОММЕНТАРИЙ:

¹ *на Крутом Склоне* — в Восточном Поселении (ныне район Юлианехоба) в Эйриковом Фьорде; по сообщению «Саги о гренландцах», Крутой Склон был местом, где по прибытии в Гренландию поселился Эйрик Рыжий.

- ² *Сигурд Крестоносец* — норвежский конунг (1103–1130).
- ³ *с Эцуром архиепископом* — Ассер, первый архиепископ Скандинавии (1104–1137), чья резиденция находилась в Лунде, в Дании (ныне в Швеции).
- ⁴ *Сэмунд Мудрый* — сын Сигфуса (1056–1133), исландский священник и историк. *Одди* — хутор в южной части Исландии, в Средние века бывший одним из главных центров учености в стране; позднее в Одди воспитывался Снорри Стурлусон.
- ⁵ *на Островах* — местность в долине Кривой Реки.
- ⁶ *резиденцию в Дворах* — епископство было учреждено в Дворах (Garðar), усадьбе в Восточном Поселении, в 1124 г.; в 1126 г. в нее прибыл Арнальд, первый епископ Гренландии. Согласно «Саге о гренландцах», ранее в Дворах жила дочь Эйрика Рыжего, Фрейдис; в этой саге упомянуто, что там «теперь живет епископ» (гл. 2).
- ⁷ Лакуна в рукописи.
- ⁸ *в Западном Поселении* — ныне район Готхоба; местность, занятая выходцами из Исландии вслед за Восточным Поселением после открытия Гренландии Эйриком Рыжим в 985 или 986 г.
- ⁹ *Хермунд сын Кодрана* — согласно «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 78), Хермунд (ум. 1197 г.) был родовитым исландцем: он приходился внуком Хердис, дочери Болли и Тордис, и, стало быть, правнуком Снорри Годи; женой Хермунда была Ульвейд, дочь епископа Рунольва, а один из его сыновей, Кетиль, стал аббатом в Хельгафелле.
- ¹⁰ *к Козлиной Горе* — это название не известно из других источников.
- ¹¹ *Длинный Мыс* — этот двор также упоминается в гренландском эпизоде «Саги о названных братьях» (гл. 21, 24).
- ¹² *принял дело Симуну* — т. е. взялся вчинить иск от его имени, поскольку Симун приходился родичем убитому.
- ¹³ *Эйнаров Фьорд к Стоянке Скьяльга* — Эйнаров Фьорд — фьорд в Восточном Поселении, расположенный к юго-востоку от Эйрикового Фьорда; назван по имени одного из первопоселенцев, прибывших с Эйриком Рыжим. В глубине Эйнарова Фьорда находилась усадьба Дворы. Стоянка Скьяльга больше нигде не упоминается.
- ¹⁴ *мер* — мера (букв. «вес») равнялась 80 фунтам (ок. 40 кг).
- ¹⁵ *из-за разницы между ними* — имеется в виду разница в общественном положении: очевидно, Халль исходит из того, что в Гренландии Эйнар пользовался большим уважением и влиянием, чем Эцур в Норвегии.
- ¹⁶ *привез из Гренландии белого медведя* — белый медведь считался большим сокровищем; см. «Прядь об Аудуне с Западных Фьордов».
- ¹⁷ *Харальду Гилли* — норвежский конунг (1130–1136), сын Магнуса Голоногого и брат Сигурда Крестоносца.
- ¹⁸ *к Сигурду Слембидьякону... напал на конунга Харальда Гилли в его покоях и нанес ему удар* — Сигурд Слембидьякон был претендентом

на норвежский престол, конунг был убит во время этого нападения. В «Круге Земном» («Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гилли», гл. 16) сказано, что первым конунгу нанес удар Ивар сын Кольбейна, имя же Кольбейна сына Торльота в связи с убийством Харальда не упоминается.

- ¹⁹ *буксир сорвало и Кольбейн утонул* — «Сага о сыновьях Харальда Гилли» (гл. 6) также сообщает о гибели Кольбейна: «Сигурд Слембидьякон поплыл затем на юг в Данию, и тут погиб один человек с его корабля — Кольбейн сын Торльота из Батальда. Он был в лодке, привязанной к кораблю, а они плыли быстро...» (*Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1980. С. 518).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Eyrbyggja saga* / Útg. Einar Ólafur Sveinsson, Matthías Þórðarson // ÍF. Reykjavík, 1935. B. IV.
- Flateyjarbók. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger* / Udg. af Guðbrandur Vigfússon, C. R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. III.
- Gísli Sigurðsson*. Greenland in the Sagas of Icelanders: What Did the Writers Know — And How Did They Know It? // Висы дружбы. Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон / Под ред. Н. Ю. Гвоздецкой, И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова. М., 2011. С. 83–100.
- Grænlandingaþáttur — Íslendinga sögur og þættir*. B. I–III / Ritst. Bragi Halldórsson et al. Reykjavík, 1987. B. II. Bls. 1110–1119.

THE TALE OF THE GREENLANDERS

(Translation from Old Icelandic, foreword and commentary by Elena Gurevich)

It is for the first time that «The Tale of the Greenlanders» (*Grænlandingaþáttur*) is translated from Old Icelandic into Russian. The tale is likely to have been created in the 13th century. It has been preserved only in «Flateyjarbók», the famous Icelandic manuscript written in 1389–1394. The translation is supplied with a geographical and historical commentary.

Key words: Old Norse-Icelandic literature, *Grænlandingaþáttur*, *Flateyjarbók*.